

Режиссура – профессия вторичная

Если вы хотите вспомнить, что такое русский психологический театр, отправляйтесь в московский

“Театр на Покровке”

Он необычайно популярен, о нем дискутируют, пишут статьи “pro” и “contra”. Собственно, его худрук Сергей Арцибашев всегда был в поле зрения театральной Москвы, что наблюдалось

еще со времен самого раннего его спектакля

“Надежды маленький оркестрик”, больше десяти лет шедевра на Таганке.



– Сергей Николаевич, что вы думаете по поводу сегодняшнего театра, что вам в нем нравится и что нет?

– В сегодняшнем театре мне не нравится безденежье.

– Хорошее начало.

– Конечно, у нас, театральных людей, не должен иссякать энтузиазм, должны быть всегда хорошие настроение и творческий подъем. Но, знаете, когда желудок или какую-нибудь другую часть тела вам прижмут, сильно и больно, то как-то и настраиваться на творческую радость очень тяжело. Моим актерам со мной тяжело работать и без того, поскольку, к сожалению, у меня никогда не получалось “радостно” творить.

– В каком смысле?

– Ну я обычно делю спектакль очень мучительно. Мучаюсь сам, мучаю актеров.

– К какой же режиссерской школе вы себя относите?

– Я верю в систему Станиславского, с которой знаком буквально с детства и которая легла мне на душу. Хотя я размышлял в своей жизни и о биомеханике Мейерхольда, и о Брехте, и о Вахтанговских поисках. Но именно метод Станиславского стал для меня началом моей собственной работы. И я не воспринимаю его как что-то раз и навсегда устоявшееся: это система изменяющаяся, и даже

сам Станиславский каждый день, до конца своей жизни привносил в нее что-то.

– А каков именно ваш стиль работы над спектаклем?

– Станиславский писал, что и спектакль, и роль – это рождение чего-то нового. Я работаю так же мучительно, как мучительно проходили любые роды. И спектакль для меня – это тоже рождение ребенка. И сроки рождения нужны определенные для того, чтобы ребенок родился нормальным. Я, например, не сторонник быстрых постановок. Нет, впрочем, могу поставить пьесу за полтора-два месяца, но подготовка должна быть длительной. А иногда я начинаю параллельно репетировать три-четыре вещи, месяц работаю, потом какая-то вырывается вперед, и я уже отработываю именно ее. Но в те три я ведь тоже работаю же забросил, уже оплодотворил актеров замыслом, и эти замыслы подслушно в них сидят. И когда я возвращаюсь к ним через год-два, то я уже не с нуля начинаю.

Поскольку я работаю, в общем, трудно, а в нынешних условиях и без того мучительно стало жить, то и в театре стало тяжело. Есть суждение, что “актер должен быть голым”. Но я его не разделяю. На мой взгляд, актер должен быть, наоборот, сытым, ухоженным, отвлеченным от всех посторонних про-

блем – словом, у него должно быть все, чтобы он мог заниматься лишь самосовершенствованием.

– У вас много таких актеров?

– Сейчас – ни одного. Если раньше я ставил условие, что ни один актер не имеет права без моего разрешения где-то сняться, подхалтурить, то сегодня у меня язык не повернется произнести такое. И если даже у меня отпрашиваются с репетиций (чего раньше представить было невозможно), я отпускаю. А бывало, даже в свое свободное от театра время актеры спрашивали моего разрешения сняться в какой-то роли, и я еще узнавал, каков режиссер и как это будет способствовать росту моего актера.

– Вы всегда были очень преданы вашей классике, а каковы сегодня ваши настроения?

– И цели, и задачи, и вкусы мои не меняются. Я вообще эдакий консерватор, в том числе в своей любви к классике и к системе Станиславского.

– Так вы относите себя к консервативному крылу сегодняшней режиссуры? Как вы себя располагаете в современном театре?

– Я за тот добротный актерский театр, где режиссер выражается именно через актеров. Конечно, в соотношении с сегодняшним днем и с моими сегодняшними взглядами, а также с тем миром, который меня

окружает. Главная же моя тема в театре – человек. А поскольку я считаю, что человек безграничен, как Вселенная, то для меня на сцене нет пределов познания.

– В чем разница между вашими последними работами – “Гамлетом”, “Пастухом” – и теми, которыми ваш театр начинался?

– Для меня в них нет большой разницы. “Три сестры”, с которых я начинал театр в 1991 году, и сегодня звучат актуально. Поскольку в этом спектакле были закодированы все мои мысли, мое отношение к автору, к театру, взаимоотношения между персонажами и актерами, между актерами и зрителями, постановочные принципы – то есть весь круг моих размышлений о человеке, о жизни, о чувствах. Поэтому его можно назвать программным для нас спектаклем.

– Как вы пришли к “Гамлету”, удивившему всю Москву своей неожиданной трактовкой и тем обстоятельством, что в центре спектакля оказались вы сами?

– “Гамлет” сидел во мне давно, и когда я ставил “Три сестры”, вопрос “быть или не быть” уже задавал и самому себе, и актерам. Работал я над “Гамлетом” около двух с половиной лет. И в первоначальном моем замысле не было замены молодого Гамлета на зрелого, которая произошла потом в спектакле. Да, на меня сиюминутно это открытие, которого в истории “Гамлета” еще не было. Ведь что такое призрак? (“Я дух родного твоего отца”). Это человек, переступивший грань бытия, пообщавшийся с небытием и вернувшийся оттуда. Да ведь и по тексту: “Так неузнаваем и внутренне и внешне”.

– А почему вслед за “Гамлетом” – сразу “Кабала святош”?

– В пьесе, посвященной Мольеру, великий русский писатель рассказывает о судьбе великого французского драматурга. И я делаю Людовика XIV и его окружение русским, а Мольера и его круг – французским. Получается, что Мольер и Людовик (художник и власть) действительно говорят на разных языках. Так просто – и так точно! И актеры из разных стран, в одном спектакле говорящие на русском и

французском, прекрасно понимали друг друга. Вот вам и решение международных вопросов, которое можно найти, когда есть общие задачи!

– А почему вы решили возобновить “Надежды маленький оркестрик”?

– Возвращение к этому спектаклю – не просто ностальгия. А ощущение того, что сегодня, как и двадцать лет назад (все мужские роли тогда также играл сам), простой, обычный человек так же мечтает о счастье, жизни и любви. Но он точно так же одинок и затерян.

– В “Пастухе” вы тоже сыграли центральную роль – и какую!

– Да, Ленин – одиозная фигура, сложная – потому что так сложилась эта легенда, на которой мы воспитывались. Он же сидит во всех нас (как это мы пели: “Ленин в тебе и во мне!”), в нашем подсознании, и мне хотелось с этим тоже разобраться. Но больше всего меня интересовал человек с его претензиями к миру, с его глобальными мечтами. И если признать самим себе, то кто же из нас доволен своим положением и кто бы не хотел быть таким пастухом? Ну а наиболее полно выражают эти идеи крупнейшие личности типа Гитлера или Наполеона. Ленин же – это наше российское сознание и подсознание, наши корни, он в нашей общей крови.

– Вы так настойчиво в последнее время выступаете в роли актера!

– На репетициях я, например, больше показываю, чем рассказываю. Еще мой педагог Мария Осиповна Кнебель говорила мне: “Вы, репетируя, замечательно точно показываете, пользуетесь этим, это один из ваших козырей”. Режиссура – вторичная профессия: я должен свои идеи, мысли и чувства передать через актера. Но есть какие-то важные и сокровенные для меня вещи, которые легче сделать самому, чем передать через другого. И поскольку я актерствовал с детства, то мне не хотелось бы терять эту возможность выходить напрямую к зрителю.

Беседовала
Ольга ИГНАТЮК

Москва
Театр на Покровке